

прекрасная, бесконечно разнообразная картина. Приглядываешься внимательнее — а это всего лишь осколки, мусор, отрубленные лапы, многократно отраженные в зеркалах наших иллюзий. Смотришь еще раз — а все равно величественно и прекрасно.

Многие герои этих рассказов — участники войны, бывшие заключенные, но показаны они не в моменты подвига или крайнего эмоционального напряжения. Все самое страшное осталось в прошлом, и надо жить дальше. Но оказывается, что это не так-то просто. Мелкие неурядицы жалят, как назойливые мухи, а судьба совершает самые неожиданные повороты в самый неподходящий момент, и вот ты уже идешь за водкой как за единственным успокоением и творчески самовыражаешься, оставляя плевок на витрине магазина женского белья под понимающим, даже сочувствующим взглядом охранника.

«Жить!» — это не возглас человека, сбросившего наконец оковы или избежавшего смерти. Это императив. Приказ жить, несмотря ни на что. Переживать и Любовь, и Смерть, и Быт. Размышлять о бытии. Иногда, конечно, кажется, что авторы чересчур уж сгущают краски, как в рассказе Аделя Хаирова «Белые цветы»: «Послонулся по квартире, съел зачерствевший кусок торта, запил выдохнувшимся шампанским. Хотел докурить кубинскую сигару, но она воняла. Тогда Мизинцев приоткрыл ставни, взял резиновый эспандер и начал растягивать. На третий раз сладкие пальцы соскользнули, и резиновый эспандер треснул ему по уху. Сразу вспомнилось, как на даче в Печищах отец влил ему в ухо за выдернутые вместо сорняка ростки моркови. Ухо тогда выросло, как у Чебурашки. Саше было лет семь, а через год родители развелись». Слишком много гнетущих деталей. С другой стороны, а разве так не бывает? Бывает поразному. Вот у Владимира Гуга одна из миниатюр цикла «Счастье»: человек раскроил себе голову и счастлив, потому что не надо идти на работу. Чего тут больше: печали по поводу того, что нужно как следует человека доконать, чтобы он такому радовался, или умения видеть хорошее даже в самом плохом?

«Жить!» — это все еще добротный сделанный сборник качественной прозы. Рассказы в нем действительно составляют единое целое, читать его нужно целиком. Хотя, конечно, порядок тут оказывается не так важен. Короткие экспрессивные зарисовки позволяют на миг отрешиться от собственных проблем, а потом с новыми силами — жить!

Владислава КАПЛЕНКОВА

ОГЛЯНУТЬСЯ И ИСКРЕННО ПОБЛАГОДАРИТЬ

Спасибо! Посвящается тем, кто изменил наши жизни. М.: Эксмо, 2018.

Знаете ли вы о позитивной психологии? Может быть, встречали статьи в Интернете или брали с полок книжных магазинов издания, призывающие не концентрироваться на плохом и радоваться каждой мелочи? «Будьте благодарны за все, что у вас есть», «записывайте в дневник то, что доставило вам удовольствие» — знакомые слова? У позитивной психологии много сторонников и много противников, но «думать о хорошем» определенно приятнее, чем о «плохом». Хотя иногда — сложнее.

Серия книг «Перемены к лучшему», выпускаемая издательством «Эксмо» с 2015 года, — это шесть сборников позитивных, жизнеутверждающих историй: о пути к успеху, о счастливом случае, о детстве, о первой любви, о лучшем Новом годе... Концентрированный оптимизм в твердом переплете, повод вспомнить о собственных маленьких и больших победах и радостях жизни.

А главное, что это не художественный вымысел, а «реальные истории из жизни современных писателей», как свидетельствует надпись на обложке каждой книги серии. И читатель может быть уверен, что «рецептами успеха» в первой книге «Как я изменил свою жизнь к лучшему» с ними делится тот, кто сам прошел этот путь и на самом деле чего-то в этой жизни добился. В каждой из последующих книг мы продолжим узнавать истории из жизни современных российских писателей, а уж извлекать ли из них мораль или просто наслаждаться чтением — выбирать вам. Авторы много: в одной книге могут быть собраны истории двадцати, тридцати, сорока человек, так что у читателя, хоть сколько-нибудь интересующегося современной русской литературой, есть шанс найти знакомого, если не любимого автора в списке на обложке.

Сборник «Спасибо! Посвящается тем, кто изменил наши жизни» (М.: Эксмо, 2018) — последний из изданных, где авторы «раскрывают свои секреты и готовы публично произнести слова любви и благодарности». Оформление — белое с золотом, голубь мира на обложке, цветные фотографии авторов на форзаце. Сборник завлекает в рекламной аннотации именами Людмилы Петрушевской, Олега Роя, Марии Метлицкой, Владимира Вишневого... Двадцать авторов — двадцать историй, настолько разных по композиции, стилю и даже жанру, что и объединяет их только тема.

Иногда бывает невероятно сложно — в силу разных обстоятельств — сказать «спасибо» людям, этого заслуживающим. Иногда бывает сложно сделать это даже формально, не то что искренне, от всего сердца благодарить кого-то. Иногда даже бывает слишком поздно говорить «спасибо» — некому. Так что идея — прекрасная, светлая, в какой-то мере нравоучительная. Все знают, что жизнь непредсказуема, а люди «внезапно смертны», но почему-то кажется, что уж с нами-то ничего подобного не случится. Книга же предоставит достаточно поводов задуматься о том, что нужно успеть сказать самые важные слова своим близким.

Но, как бы банально это ни звучало, люди разные, и благодарность тоже бывает разной. Для кого-то это — «явление самого высшего порядка», а для кого-то сказанное когда-то просто так, почти случайное «спасибо» — предлог, чтобы вспомнить эпизод из далекого детства (так что иногда даже приходится сомневаться в готовности авторов «раскрыть свои секреты», как уверяет нас аннотация). Впрочем, книга — это всего лишь повод сказать «спасибо», а уж дальше каждый сам решает, как им воспользоваться, и выворачивать душу наизнанку на потеху публике никто не обещал. Так?

Если бы вам вдруг представилась возможность поблагодарить кого-то, да так, чтобы об этом узнали по всей стране, что бы вы написали? Кому бы адресовали заветные строки? Большая часть историй сборника «Спасибо!..» — благодарность тем, кому уже нельзя сказать этого лично. Своей семье, друзьям, поддержавшим в трудные моменты, не дававшим опустить руки, случайным знакомым, потерянным в круговороте будней, о которых в памяти осталось только имя и, собственно, то, за что так хочется сказать спасибо.

Истории следуют одна за другой, как будто в случайном порядке: благодарность друзьям и коллегам; воспоминание о четвероногом друге, по иронии судьбы для того, кто всегда мечтал о собаке, это был рыжий сибирский кот; тихо сказанное «спасибо» вслед женщине, сделавшей все для расставания сына с не понравившейся ей «невесткой»; благодарность случайным знакомым, когда-то значительно повлиявшим на последующую жизнь писателя — или не повлиявшим...

Но кроме тех, кому были предназначены эти строки, кроме этих людей, которые прочитают или не прочитают никогда эту книгу, ее возьмут в руки еще, возможно, тысячи человек (по крайней мере, тираж издания — 2000). И всем им будет важно не только то, что написано, но и то, как это написано.

От людей, нечуждых художественной прозе, занимающихся ею профессионально, приходится ждать чего-то особенного. «Формы», соответствующей содержанию. И в общем-то, они с этим справляются. Каждый по-своему, каждый в своем жанре, будь это рассказ, воспоминание о прошлом, о тех, кто всегда поддерживал или поддерживал однажды и этим определил дальнейший жизненный путь, или выдержки из электронных писем, отправленных давнему знакомому, исповедь или новелла...

История Алисы Луниной, не о себе, о «близком знакомом»: осенний Петербург, книжный магазин и томик поэзии Рильке, переписка двух одиноких людей, не знающих друг о друге ничего и не связанных ничем, кроме этого тома... А где же слова благодарности? Благодарность здесь выражается делом: героиня истории решает стать учителем русского языка и литературы, вспоминая о своей школьной учительнице.

Об учителе вспоминает и Лариса Райт. Они, конечно, очень разные — строгая, не любимая школьниками учительница литературы и учительница испанского языка, открывшая своим ученикам другую культуру. Никогда не знаешь, к чему может привести почти случайное решение записаться на факультатив.

Непредсказуемая жизнь часто подбрасывает нам такие сюжеты, которые бывают намного более захватывающие, чем любой роман, детективный или любовный, — жизнь вообще, говорят, лучший художник: девочка Аня, вдохновившая школьника на олимпиаде; случайный попутчик по дороге домой, который предлагает все бросить — и в Братск; приключение в Египте, чудом завершившееся удачно (в художественной литературе это встречается чаще, но и в реальной жизни дружба побеждает все). Глава, написанная Игорем Губерманом, вначале напоминает подборку анекдотов «О людях хороших», продолжается воспоминаниями о годах заключения, а заканчивается историей о Роне Маркуса, человеке, каждый день совершающем чудеса, и парадоксальным выводом об удивительной природе людей, видевших эти чудеса.

Если задуматься, сколько мы встречаем на своем жизненном пути людей, незаметно подталкивающих нас к судьбоносным решениям? И сильнее всего нас меняют самые близкие, самые родные. Те, кого уже нет рядом, и те, кто поддерживают нас, чьи слова в трудные минуты заставляют подниматься и гордо продолжать путь дальше, несмотря на проблемы. Ворчливые наставления бабушек: «„Семь-десять минут“, — говорила она. Ведь для того, чтобы процедура не принесла вреда, не повлекла осложнения, ее надо проводить строго определенное время, не слишком затягивая». Совет, который подходит для лечения ангины и от сведенного судорогой сердца. Поддержка родителей тех, что «родили», и тех, что воспитали. Собственные дети, с которыми ты, кажется, растешь вместе. И слова благодарности к ним — всегда самые пронзительные, самые искренние. Главное, сказать их вовремя и повторять, повторять, пока еще есть такая возможность, ведь никогда не знаешь, что будет завтра.

Так или иначе, книга написана, издана. Не первая в серии и, вполне вероятно, не последняя. Можно относиться к ней как к сборнику рассказов, и тогда вы увидите два десятка разнородных историй: вот в одной из них — чья-то жизнь крупным планом, в других — самое запоминающееся, самое главное, поворотный момент, в третьих скрывается еще несколько историй, обрамленных единой темой — о хороших людях, о чудесах и красотах мира. Меняются эпохи, меняется фон. «Сделаны» эти рассказы тоже по-разному: ровное повествование, где одно событие следует за другим, рассказ в рассказе, несколько обрывочных воспоминаний, разнородных, объединенных лишь тем, что написаны одним человеком, образная, поэтическая проза. Но, честно говоря, оценивать книгу-благодарность с точки зрения художественного произведения как-то даже неловко: читаешь реальные истории из жизни современных писателей, будто смотришь в замочную скважину.

И ловишь себя на том, что и сам не сказал спасибо близким, родным и любимым. Надо сказать. Написать старым друзьям, с которыми не виделись уже несколько лет, позвонить маме или сказать искренне «спасибо» случайному прохожему за то, что довел до нужного места. Если цель этой серии, этой книги — напомнить, что некоторые «мелочи» отнюдь не мелочи, то, как мне кажется, ее вполне удастся воплотить.

Юлия КЛИМОВА

ПОЧЕМУ ОТРАВИЛАСЬ МАРУСЯ

Маруся отравилась. Секс и смерть в 1920-е / Сост. Д. Быков.

М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018.

Секс и межполовые отношения — тема всегда достаточно острая и вызывающая бурные дискуссии. Особенно если это тема секса и межполовых отношений не в наши дни, а в какой-нибудь исторический период. Особенно если это тема секса и межполовых отношений в СССР, объективное представление о которой можно составить не по обрывкам документов, а по воспоминаниям живых — пусть и достаточно пожилых — людей. И по документам, и по воспоминаниям эпоха 1920—1930-х годов представляется как зарождение нового государства, тяжелая работа, рождение промышленности в поту и крови, «пятилетка за три года», на фоне которых нет места никаким отношениям мужчины и женщины, кроме как создания новых здоровых ячеек общества и рождения и воспитания новых граждан... В этом плане антология Дмитрия Быкова «Маруся отравилась. Секс и смерть в 1920-е» — самая настоящая бомба. Причем не простенький сверток динамита с часовым механизмом, а что-то наподобие того, что взорвалось над Хиросимой.

Оказывается, про любовь (в том числе и плотскую) в 1920-е все же писали, и писали достаточно много. Быков, по его собственным словам, отобрал наиболее хорошие или наиболее показательные тексты; в результате получилось нечто вроде лоскутного одеяла, верхний край которого составляет вступительная статья самого Быкова. Основной посыл данной статьи — в 1920-х годах с сексом и межполовыми отношениями все было очень плохо. Точнее, с этим все плохо было еще в Серебряном веке, но после революции и Гражданской войны все стало еще хуже: если до революции стрелялись, травились и участвовали в свальном грехе по большей части от нечего делать, то после революции травились, стрелялись и участвовали в свальном грехе от разочарования в жизни в целом и в социальной революции в частности. Дивный новый мир не наступил сразу, сексуальная революция тоже провалилась; моральную и сексуальную деградацию Серебряного века продолжили люди «классом ниже» — рабочие и работницы — и пали ниже некуда — до приравнивания полового влечения к естественным оправлениям организма; если Серебряный век — это время разврата, то 1920-е годы, по мнению Быкова, — это триумф пошлости в худшем ее проявлении.

Нельзя сказать, что Быков так уж не прав в своей вступительной статье: период нэпа действительно был свободнее в плане сексуальных отношений, чем в последующие годы, — но во многом он утрирует. Вдобавок он рассматривает вполне определенную социальную прослойку — ту, для которой писались и которой читались подобные тексты. Впрочем, невзирая на субъективность, Быков достаточно грамотно подходит и к подбору материала для антологии, и к его освещению во вступительной статье.

Общая идея построения сборника вырисовывается довольно слабо. Можно было бы подумать, что сначала идут стихи, потом проза — нет, стихи располагаются и в на-